

Си Ань, этот мальчишка, хоть и был деревенским диким ребенком, нрав имел неукротимый, озорной — совсем как щенок, которого только подобрали на улице.

Щенок всегда норовил улизнуть из дома, стремясь к свободе, что ждала его снаружи. Но стоило лишь легонько погладить его по головке, как он тут же послушно семенил следом, виляя хвостиком и готовый исполнить любое поручение.

В эти дни в городе Цинъян открылась ярмарка. Торговцы со всех сторон света собрались здесь, выставив на продажу множество диковинных вещей — место было примечательное. Линь Цинбай, жалея своего маленького ученика, решил взять его с собой прогуляться. Однако, когда он сообщил об этом Лян Яочу, то встретил решительный отпор.

— Нет, я не согласна, — бросила Лян Яочу, не поднимая головы и перебирая целебные травы в корзине.

— Город Цинъян совсем близко, — заметил Линь Цинбай.

— Это ничего не меняет.

Си Ань тут же начал звать Лян Яочу: — Доктор Лян, идите скорее, посмотрите.

Мальчик так сильно перенервничал, когда его однажды вырвало и стало бить кашлем, что до сих пор не мог прийти в себя. Услышав, как Лян Яочу называет Си Аня маленьким никчемным отродьем, Линь Цинбай недовольно нахмурился и холодно произнес:

— В таком случае, ты можешь не ехать.

Линь Цинбай погладил Си Аня по голове и сказал: — Хорошо, ты тоже поедешь со мной в этой карете.

Карета была оборудована с полным комфортом: мягкие кушетки, подставки для ног, подушки из облачного шелка, а на полу лежал ковер из соболиного меха, такой мягкий, словно ступаешь по хлопку. Линь Цинбай решил путешествовать инкогнито, объявив себя торговцем, выезжающим за пределы столицы, и не стал привлекать лишнего внимания — лишь пара карет сопровождения да небольшая группа охраны.

Заметив, что Лян Яочу может ехать в большой карете, Си Ань, стоявший рядом с учителем, прищурился и дернул Линь Цинбая за руку.

Ранняя весна всё еще дышала холодом. Линь Цинбай зяб, поэтому Си Ань заботливо укрыл его мягким одеялом и вложил в ладони теплую грелку с золотой нитью.

В пояснице неприятно ныло, желудок предательски сжимался от дорожной тряски, вызывая головокружение и тошноту. Линь Цинбай едва сдерживался, чтобы не издать стон. Си Ань, едва забравшись в карету, первым делом бросился к кушетке учителя, поправляя всё вокруг.

В конце концов, жизнь Ванъе была в её руках, кто осмелился бы перечить? Лян Яочу, ученица прославленного врача, отличалась крутым нравом и была тем самым лекарем, за чьи услуги в мире людей отдавали любые деньги.

Линь Цинбай не торопился садиться, он стоял у входа, заложив руки за спину, и наблюдал за тем, как его маленький ученик суетится вокруг него. С тех пор, как они впервые отправились в путь, мальчик стал относиться к поездкам в карете даже с большим трепетом, чем сам Линь Цинбай.

— Эта карета просторна и удобна, доктор Лян, вы можете ехать с нами, — предложил Линь Цинбай.

Лян Яочу смягчилась и фыркнула: — Не стоит благодарности.

Линь Цинбай нахмурился и открыл глаза.

— Учитель, — Си Ань, заметив, что его наставнику нехорошо, тут же прильнул к нему и прошептал на ухо: — Учитель, вам нездоровится?

Линь Цинбай опустил взгляд на него. Он плотно сжал тонкие губы, лицо его было мертвенно-бледным, а пальцы, спрятанные под одеялом, впивались в живот так сильно, что костяшки побелели.

Закончив разговор, Линь Цинбай, не обращая внимания на то, как сильно разозлилась Лян Яочу у него за спиной, грациозно удалился.

Лян Яочу протиснулась вслед за ним и внезапно бросила: — А он довольно заботливый.

Однажды, когда они с Си Анем отправились в путь и провели в карете целый час, его так укачало, что мир поплыл перед глазами. Ему было настолько плохо, что, не успев даже разглядеть людей вокруг, он почувствовал, как к горлу подкатил ком, и поспешно прикрыл рот рукой.

Дорога утром была ровной, карета шла мягко, но через некоторое время Линь Цинбаю всё равно стало дурно. Си Ань торопливо протянул ему плевательницу, и Линь Цинбай, подавшись вперед, несколько раз с трудом сдержал рвотные позывы.

Ростом Си Ань был едва ли до бедра Линь Цинбая. Он поднял свой маленький взгляд, полный участия, и жалобно прошептал: — Учитель, а как же я?

Линь Цинбай стоял перед каретой, огляделся и увидел, что Лян Яочу по-прежнему стоит с недовольным лицом. Спустя четыре дня, в день отъезда, она всё же, крайне неохотно, присоединилась к ним.

Руки и ноги были согреты, и Линь Цинбай, почувствовав облегчение, прикрыл глаза, отдыхая на кушетке. Лян Яочу, опершись одной рукой о подоконник, полуприкрыла глаза, но, услышав голос Си Аня, хлопнула себя по ноге, поднялась и подошла к Линь Цинбаю. Она уже было потянулась, чтобы откинуть одеяло, но Си Ань перехватил её руку.

Сейчас в поместье только Лян Яочу осмеливалась спорить с Линь Цинбаем. Именно поэтому она вела себя здесь как хозяйка, даже слуги, завидев её, предпочитали обходить стороной — и делали это куда охотнее, чем когда видели самого Линь Цинбая.

Линь Цинбай, услышав возражения Лян Яочу, не разозлился. Сказав это, она вальяжно уселась на место слева и отдернула штору, глядя на пейзаж за окном.

Телосложение у Линь Цинбая было хрупким, он редко выбирался в дальние поездки и совсем не выносил дорожной тряски.

Лян Яочу с грохотом бросила корзину с травами и в ярости воскликнула: — Ты спрашиваешь, почему нельзя? Ты что, своего собственного тела не знаешь? Разве ты вынесешь эту тряску? Сможешь ли ты есть еду в городе Цинъян? Зачем тебе туда ехать? Только ради того, чтобы потешить этого маленького никчемника и доставить ему радость?

Он первым делом поправил подушку под поясницей учителя, затем отрегулировал подставку для ног и, наконец, опустил все занавеси. Си Ань сидел рядом, не сводя глаз со своего учителя.

Линь Цинбай, одетый в лазурное платье с широкими рукавами, стоял за пределами аптекарского сада, заложив руки за спину, и спрашивал: — Почему нет?

— Что ты хочешь сделать? — нахмурившись, спросил Си Ань.

— А что я могу сделать? — усмехнулась Лян Яочу. — Это не такая уж большая проблема, я просто надавлю ему на нужные точки.

Говоря это, Лян Яочу наклонилась, собираясь снова откинуть одеяло. Но рука Си Аня еще крепче сжала её запястье: — Мой учитель не любит, когда к нему прикасаются другие. Я сам сделаю массаж.

Лян Яочу опешила и парировала: — Другие? С чего ты взял, что ты не другой?

Линь Цинбай, раздраженный перепалкой, нахмурился. Его так сильно мутило, что он не мог даже открыть глаза. Нащупав тыльную сторону ладони Си Аня, он легонько похлопал по ней,

призывая остановиться.

Руки Линь Цинбая были холодны, как лед. Си Ань тут же обхватил их своими ладонями, согревая, и замолчал.

— Пусть Ань-эр сделает мне массаж, — обессиленно проговорил Линь Цинбай.

Лян Яочу, затаив обиду, с ледяным лицом принялась жестким тоном давать указания Си Аню, какую точку массировать и с какой силой. Лучшей точкой для состояния Линь Цинбая была точка Цзювэй, расположенная чуть ниже груди, в верхней части живота.

Как только Лян Яочу закончила объяснения, рука Си Аня скользнула под одеяло и легла на живот Линь Цинбая. Он действовал крайне осторожно, боясь причинить боль учителю, и, разминая живот, постоянно наклонялся, шепотом спрашивая, как тот себя чувствует.

Лян Яочу, глядя на шепчущихся учителя и ученика, почувствовала лишь раздражение и досаду. Она фыркнула, вышла из кареты и пересела в ту, что ехала позади.

В карете остались только Си Ань и Линь Цинбай. Линь Цинбаю стало немного легче, он открыл глаза и посмотрел на своего маленького ученика, склонившегося над ним. Первое, что бросилось в глаза — это круглый пучок волос на макушке Си Аня. Тот, опустив голову, старательно массировал точки на животе учителя; стоило Линь Цинбаю хоть немного пошевелиться, как Си Ань тут же замирал и поднимал на него встревоженный взгляд.

Этот небрежный во всем ребенок рядом с больным Линь Цинбаем становился необычайно внимательным. Глядя на него, Линь Цинбай почувствовал тепло в душе, и, когда боль отступила, сам не заметил, как уснул во второй половине пути.

К полудню они добрались до деревни, где решили остановиться. Линь Цинбай, почувствовав себя значительно лучше, приказал найти чистую гостиницу.

Обед был в самом разгаре, когда в гостинице внезапно поднялся шум. Крестьяне, сидевшие за столами, бросили еду и обернулись к дверям.

— Идет, идет!

— Неужели это Великий Сона?

— Я вижу его, это он!

— Какая удача! Я слышал, Великий Сона тяжело заболел и не показывался здесь уже несколько месяцев.

— Верно! Без его сказов еда кажется безвкусной, ха-ха-ха!

Услышав о сказителе, Си Ань отложил в сторону большой паровой хлебец и, вытянув шею, начал озиаться по сторонам.

Вскоре в залу вошел старик с длинной белой бородой, поддерживаемый под руки, и остановился у самого дальнего столика.

— О чем желаете послушать сегодня? Может, продолжим историю с прошлого раза?

Великий Сона опирался одной рукой на посох, а другой, дрожащей, вытащил из рукава дощечку сказителя.

— Великий Сона, тебя не было несколько месяцев, кто же помнит, о чем ты говорил в прошлый раз? Расскажи нам что-нибудь новенькое и захватывающее! — крикнул один из крепких мужчин.

— Верно! Нам после обеда еще работать, расскажи что-нибудь такое, чтобы у нас сил прибавилось, правда, братцы?!

— Правда!

Великий Сона с силой ударил дощечкой по столу! Звонкий звук пронесся по гостинице, и гвалт мгновенно стих.

— Хорошо! Раз так, сегодня я поведаю вам свежую историю.

Великий Сона взмахнул рукавами, подался вперед и заговорил: — Знаете ли вы, что в Мире Бессмертных есть прославленный бог войны? Красота его несравненна во всех Трех мирах. В лазурном одеянии и белых одеждах, одним движением пальца он мог призвать небесный гром, а одним взмахом руки — перевернуть горы и реки.

Услышав, как сказитель нахваливает этого человека, люди широко раскрыли глаза.

— Кто это? Такой сильный?

— Этот бог войны сильнее того бодхисаттвы, о котором ты рассказывал в прошлый раз?

— Сильнее, конечно, сильнее! Все живое в Трех мирах склонилось перед ним! Только благодаря ему за тысячи лет в Трех мирах не было ни одной войны! Разве он не велик?!

Не дав слушателям опомниться, Великий Сона сменил тон: — Однако этот могущественный и грозный бог войны едва не погиб от рук одного юноши...

— Юноши?

— Кто же мог одолеть такого великого воина?

Великий Сона медленно, с расстановкой произнес: — Тот юноша был не прост. Он — Правитель расы демонов, сам Император демонов!

— Все прошлые императоры демонов восходили на трон не раньше трех тысяч лет, а этот взошел на престол, едва ему исполнилось полторы тысячи. Если мерить нашими человеческими мерками, полторы тысячи лет для бессмертного — это всё равно что мальчишке исполнилось пятнадцать.

— Всего пятнадцать лет?

Великий Сона указал пальцем: — Пятнадцать! В пятнадцать лет мальчишка в нашем мире даже бороды не имеет, он чист и невинен, откуда ему знать об убийствах и пожарах? Но этот юный император демонов — совсем иное дело! Он родился с могущественной Дэвной Силой, но был бездушен, бессердечен и не ведал боли! Слово рожденный для резни монстр! Во время смуты в расе демонов он убил собственного отца и мать! Ступая по их крови и держа в руках отрубленные головы самых близких, он взошел на трон!

Люди в зале ахнули.

— Став императором, этот безумец не унялся, а стал еще свирепее. Он приносил людей в жертву, скармливал их кровью демонических тварей и даже расколол барьер между миром демонов и людьми, позволяя тварям пожирать людей! Миллионы бессмертных были растерзаны и съедены!

— Мир Бессмертных, некогда тихий и мирный, превратился в поле, усеянное трупами, где кровавые реки закрыли небо!

— Зло терзало мир, и бог войны не мог оставаться в стороне. Он повел за собой все кланы Мира Бессмертных, чтобы уничтожить расу демонов...

Слушатели были поглощены рассказом, а Великий Сона вошел в раж. Он описывал битву так живо, будто сам был тем богом войны, лично участвовавшим в сражении. Наконец, он высоко поднял дощечку и с грохотом ударил по столу.

Па!

— Так бог войны поразил Императора демонов в Горном хребте Пожирания Душ! Зло было повержено, тучи рассеялись, Великое Дао восторжествовало, и в Трех мирах наступил мир!

— Хорошо!

— Правильно сделал! Отлично!

— Таких демонических отродий нужно уничтожать без следа! Будь я на месте бога войны, я бы разрубил его на куски!

— Верно! Его голову надо выставить на всеобщее обозрение, я бы плюнул на него!

История пришлась всем по душе, люди возбужденно переговаривались, повсюду раздавались одобрительные крики. Медяки посыпались на стол сказителя.

Великий Сона, улыбаясь, сгибался в поклонах, собирая монеты и наперебой благодаря слушателей. Лян Яочу подошла к нему, достала из кошелька большой слиток золота и положила на стол.

Глаза Великого Сона засияли, но стоило ему протянуть руку, как Лян Яочу убрала слиток.

Она присела на край стола, болтая ногой, и, улыбаясь, спросила: — Ты так долго рассказывал, господин, но не сказал нам, как зовут этого доблестного героя. Мы ведь должны знать имя такого великого человека.

— Верно, Великий Сона.

— Как его имя?

Поддержанный толпой, сказитель больше не стал тянуть время. Он расхохотался и громко произнес:

— Его зовут Бессмертный почтенный Цинъюань, Линь Цинбай!

<http://bllate.org/book/22078/2295863>